

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XII

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Б. П. Супрунович

ИНДИЙСКИЕ ТАМИЛЫ НА ЦЕЙЛОНЕ

(проблема и ее решение)

Среди многонационального населения Цейлона выделяется группа индийских тамилос, численность которой, по переписи 1953 г., составила 975 тыс. человек, или 12% населения. Численность индийских тамилос в настоящее время составляет примерно 1,2—1,3 млн. человек¹. Индийские тамилы — это эмигранты из Индии, прибывшие в конце XIX и в XX в.

Индийские тамилы в своем большинстве не считаются гражданами Цейлона и, следовательно, не имеют политического равноправия с другими национальными группами острова. Большинство индийцев работает на чайных плантациях, создавая значительную часть национального дохода, в частности большую часть экспортной продукции Цейлона. Классовое угнетение и эксплуатация индийских тамилос со стороны владельцев плантаций на Цейлоне усугублялись их политическим бесправием и неопределенностью правового статуса.

Другая группа тамилос — цейлонские тамилы — насчитывала, по переписи 1953 г., 885 тыс. человек (11% населения). Тамилы этой группы являются потомками индийских завоевателей, которые неоднократно вторгались на Цейлон в древности и в средние века (последний раз в первой половине XIII в.). Они заселяют Северную и частично Восточную провинции и географически отделены от индийских тамилос.

Цейлонские тамилы почти не отличаются от индийских по языку и культурно-бытовым особенностям, но они полноправные граждане Цейлона. Кроме того, между двумя группами тамилос на Цейлоне существуют весьма существенные различия в социально-экономическом плане. В положении цейлонских тамилос также имеется ряд сложных проблем, но в отличие от положения индийских тамилос это чисто внутренние, национальные проблемы.

Третья группа населения Цейлона, связанная по своему происхождению с Индией, — это индийские мавры, мусульмане индийского происхождения, которые занимают главным образом торговлей. В 1953 г. индийских мавров насчитывалось всего 47 тыс. (0,6% на-

---

¹ Численность населения Цейлона, по переписи 1963 г. — 10 625 тыс. человек, а по оценке на 1969 г. — 12 200 тыс. Естественный прирост среди индийских тамилос близок к среднему показателю по Цейлону в целом, а в 1946—1953 гг. даже превышал его. Поэтому удельный вес этой национальной группы в населении за последние годы не мог существенно измениться. Национальный состав населения Цейлона подробно рассматривается в монографии В. И. Кочнева [3] и томе «Народы Южной Азии» [6, 817—878].

селения), в том числе 21 тыс. из них проживала в Коломбо. Положение этой национальной группы не составляет никакой проблемы, так как она малочисленна и занимает прочное место в экономике острова. Кроме того, из-за своей религиозной принадлежности мавры тяготеют к Пакистану².

Перепись 1953 г. зарегистрировала на Цейлоне 1020 тыс. лиц, не имеющих цейлонского подданства (non-nationals) из них 1004 тыс. индийцев и 1,5 тыс. пакистанцев. В эту цифру входят почти все индийские тамилы и индийские мавры. Кроме того, она включает также несколько тысяч так называемых индийских резидентов, т. е. временно, с паспортами и визами проживающих индийских граждан, преимущественно коммерсантов. Правовое и экономическое положение этой группы индийцев также не представляет никакой проблемы.

В значительной части индийской и зарубежной литературы, посвященной положению индийцев за пределами Индии, вопросу об индийцах на Цейлоне принадлежит особое место³. Понятна заинтересованность индийской и цейлонской общественности в решении этой острой проблемы. Как индийская, так и цейлонская печать в 1964 г. широко комментировала подготовку, ход и результаты индийско-цейлонских переговоров о судьбе индийских тамиллов на Цейлоне.

История индийских переселенцев на Цейлоне в XIX—XX столетиях теснейшим образом связана с развитием капиталистических отношений на острове, с формированием однобокой, колониальной структуры его экономики, специализирующейся на производстве плантационных культур, в первую очередь чая.

Кандийское царство, последнее из независимых цейлонских государств, которое веками выдерживало натиск португальцев и голландцев, было окончательно разгромлено англичанами в 1815 г. С этого времени британские колонизаторы господствовали на всей территории острова безраздельно. Они завершили разрушение традиционной экономики цейлонцев, которое было начато еще в XVI в. португальцами и продолжено затем голландцами⁴. Политика англичан на Цейлоне способствовала вовлечению экономики всего острова в систему мирового капиталистического хозяйства, причем место корицы, которая была главным предметом вывоза в период португальского и голландского господства, заняли плантационные культуры — кофе, а затем чай и каучук.

---

² Другая группа мавров — цейлонские мавры (464 тыс. человек, или 5,7% населения в 1953 г.), полноправные граждане Цейлона, по материальной и духовной культуре близки к сингалам и тамилам. Обычно подчеркивается, что деление мавров на индийских и цейлонских условно. Известно, что среди индийских мавров преобладают тамилы и малайяли. Однако составители тома «Численность и расселение народов мира» [9, 202] почему-то целиком отнесли индийских мавров к панджабцам.

³ Мадраcский юрист П. Р. Рао в своей монографии [27] подробно описывает историю индийско-цейлонских отношений, и в частности проблему индийских иммигрантов. Сотрудник Делийского университета Джогиндер Байнс анализирует проблему с точки зрения международного права [12]. Этому вопросу посвящен раздел в монографии преподавателя Цейлонского университета Саркара [28]. Эта проблема затрагивается в книгах и статьях индийских, цейлонских и других авторов. Плантационное хозяйство Цейлона, в том числе формирование и современное положение плантационного пролетариата, рассматривается в специальной монографии Ю. Н. Маслова [4].

⁴ Вторжение португальцев на Цейлон произошло в 1505 г. Португальское господство было уничтожено голландской Ост-Индской компанией после войны 1638—1658 гг. Голландцы были изгнаны англичанами в 1795—1796 гг., и с 1802 г. Цейлон официально стал колонией британской короны [7, 279—290; 8, 69—83].

Создание плантационного хозяйства на Цейлоне, в частности на Центральном нагорье, стимулировалось новым земельным законодательством, введившим частную собственность на землю. Все леса, пустоши и другие необрабатываемые земли были объявлены государственной собственностью и распродавались английским плантаторам. Начало бурного роста плантационного хозяйства относится к 20—30-м годам XIX в.

Первая группа индийских рабочих — 150 человек — была ввезена на цейлонские плантации не ранее 1828 г. губернатором Э. Барнсом и плантатором Дж. Бэрдом [17, 4]. Однако массовая иммиграция индийцев началась в 1837 или 1839 г., причем уже в 1839—1841 гг. на остров было ввезено 2400 индийцев [27, 33, 42; 28, 175].

Иммиграция индийских рабочих на Цейлоне была не изолированным явлением, а составной частью миграций азиатской рабочей силы в слабонаселенные, по преимуществу тропические страны Юго-Восточной Азии, Океании и Африки, причем индийцы переселялись почти исключительно в страны Британской империи. В этот период отмена рабства в английских и французских колониях при растущем спросе на колониальные товары вызвала потребность в дешевой рабочей силе. Условия, сложившиеся в Индии к тому времени, когда капитализм и британская бюрократическая система уже оказали свое пагубное влияние на традиционный уклад индийской экономики, привели к возникновению дешевой рабочей силы в Индии, хотя свободный рынок труда в тот период еще не существовал.

Массовая эмиграция индийцев «за море» началась в 1834 г., когда первые тысячи индийских кули — тамилы, бенгальцы и адиваси — были вывезены через порты Калькутты, Кочин и Пондишери на сахарные плантации островов Маврикия и Реюньон [24, 42]. Эмиграция индийцев продолжалась в течение столетия, переживая неоднократно периоды спада и подъема в связи с положением на рынке колониальных товаров; эмиграция прекратилась в период великого кризиса 30-х годов (в это время в ряде стран было введено иммиграционное законодательство против индийцев) и совершенно отсутствовала накануне войны. По оценке К. Дэвиса, с 1834 по 1937 г. за пределы Индии (в границах до раздела страны) выехало 30,2 млн. человек, а вернулось за это время около 24 млн. [16, 99]. Чистая эмиграция составила, таким образом, 6,2 млн. человек.

Эмиграция индийцев, главным образом тамилы, на Цейлон прошла те же этапы, что и индийская эмиграция в целом. Первоначально, в условиях отсутствия свободного рынка труда, набор кули для заморских плантаций шел по системе кабального долгосрочного найма на основе закона 1834 г. (*indenture system*). Самостоятельные вербовщики или агенты плантационных компаний обманом, обещаниями или угрозами заставляли безграмотных молодых батраков подписывать контракт на 3—5 лет; выполнение контракта гарантировалось уголовным наказанием. Отработав свой срок, рабочий мог вернуться на родину, мог наняться на новый срок, имел также, чисто теоретически, возможность получить участок земли и стать фермером. Эта система была промежуточной между рабством и свободным трудом; к рабству положение кули было ближе по условиям жизни и работы. Власть хозяев плантаций и надсмотрщиков над кули была безгранична. Эта система просуществовала официально до 1908—1910 гг. На смену ей пришла система кангани, или краткосрочного контрактования. Кангани — это агенты плантаторов, часто бывшие рабочие, действующие в родном округе, родной деревне. Они вербовали рабочих, выдавая им аванс.

Рабочий считался свободным, отработав 30 дней в счет аванса, но оставался по-прежнему в бригаде своего кангани, который становился надсмотрщиком, бригадиром и артельщиком, а часто и ростовщиком. По определению Рао, «кангани — это торговцы людьми, получающие прибыль от сбора и транспортировки человеческого материала» [27, 43]. Специальный комитет, надзирающий за эмиграцией, был учрежден в 1907 г., а в 1922 г. англо-индийское правительство ввело положение о свободном контракте и покровительстве эмигрантам.

Цейлон стал страной с наибольшей по численности индийской эмиграцией. Из всех заморских стран иммиграции Цейлон был наиболее привлекателен для индийцев, особенно тамилев. Он расположен недалеко от Индии, по соседству с одним из главных районов индийской эмиграции — Тамилнадом. Издревле сложились тесные связи между Цейлоном и Южной Индией, а тамилы Индии и Цейлона представляют собой, по сути дела, один народ. Тамилы Мадрасской провинции, главным образом из округов Мадурай, Тиручирапала, Тханджавар, Салем, Коимбатур, Тирунелвели и Раманатхапурам [27, 42] составили практически весь контингент индийских кули на Цейлоне. Заметим, что этот же район дал наибольшее число эмигрантов в другие страны индийской иммиграции (Малайю, Сингапур, Южную Африку, острова Фиджи, Маврикий и др.).

В Мадрасской провинции официально были утверждены портами эмиграции Мадрас, Негапаттанам (Нагапаттинам), Тутикорин (Туттукуди) и Дханушкоти, последний расположен всего в 40 км от Цейлона. Эмигранты перевозились на Цейлон на небольших туземных суденышках, не приспособленных к перевозке пассажиров, либо прибывали по железной дороге и паромной переправе через Палкский пролив. Главная масса индийцев прибывала через порты Маннар и Коломбо и оттуда по специально проложенным железным дорогам отправлялась в плантационный район Центрального нагорья [28, 177].

В период распространения на острове кофейных насаждений, т. е. в 30—70-е годы XIX в., первоначально имела место краткосрочная, сезонная миграция индийцев [28, 178]. Кроме того, прокладка дорог в плантационных районах тоже велась силами индийских рабочих, завербованных в полувоенную организацию Pioneer force [27, 142]. Развитие плантаций потребовало постоянного наличия большого числа рабочих. К тому же в отличие от кофе чайный куст культивировался почти исключительно на плантациях. Поэтому, когда выращивание кофе сменилось производством чая, приток индийских кули значительно усилился, причем почти все приезжали с семьями⁵ и большей частью на длительный срок. Однако и в период развития чайных плантаций, в конце XIX — начале XX в., 60—70% эмигрантов по истечении срока контракта возвращались на родину⁶.

Таблица 1 содержит сведения о чистой иммиграции на Цейлон с 70-х годов XIX в. Подавляющее большинство мигрантов (98—99%) — индийцы.

Из таблицы видно, что в период между переписями 1871 и 1946 гг. чистая иммиграция индийцев на Цейлон превысила 1 млн. человек. Общий же объем миграций можно оценить в 3—3,5 млн. человек (с учетом того, что до $\frac{2}{3}$ эмигрантов возвращалось на родину). Основная масса эмигрантов на Цейлон прибыла в период 1891—

⁵ На чайных плантациях Цейлона (как и Индии) и в настоящее время занято большое число женщин и детей. Например, по данным 1961 г., из 397 тыс. рабочих чайных плантаций было 180 тыс. женщин и 35 тыс. детей и подростков [10, 740].

⁶ Данные специальной комиссии 1908 г. [28, 45].

1911 гг., во время быстрого развития чайных плантаций. В XX в. иммиграция показывает тенденцию к уменьшению, за исключением периода 1921—1931 гг.; когда расширилось производство чая и все законодательные ограничения на эмиграцию индийских кули были отменены. Цейлон был в этом отношении приравнен к части Индии [27, 45].

Т а б л и ц а 1
Чистая иммиграция на Цейлон*

Десятилетия	Численность иммигрантов, тыс. человек
1871 — 1881	240
1881 — 1891	104
1891 — 1901	225
1901 — 1911	184
1911 — 1921	73
1921 — 1931	151
1931 — 1946	70
Всего . . .	1047

* [15а, 1961].

Резкое снижение масштабов иммиграции в 1911—1921 гг. связано с первой мировой войной, а с 1931 г. сказывается влияние мирового экономического кризиса. В годы кризиса, как и в период второй мировой войны, баланс миграций часто был отрицательным.

В результате кризиса 30-х годов как индийские, так и цейлонские колониальные власти приняли меры, ограничивающие вербовку тамил-кули. Правда, в 1937 г. цейлонские плантаторы требовали ввоза из Индии 35 тыс. рабочих, но им в этом было отказано [27, 24]. С 1939 г. официально вербовка индийских плантационных рабочих была запрещена. Впрочем, к этому времени уже сложился постоянный контингент плантационных рабочих; на плантациях начали работать и сингалы.

Начиная с 30-х годов мигранты направляются преимущественно в несельскохозяйственные сферы деятельности. Например, из 181 тыс. индийских иммигрантов, прибывших в 1933—1935 гг. (включая сезонных рабочих), только 6 тыс. направились на плантации (2,8%), 54 тыс. (24,2%) были заняты неквалифицированным трудом в промышленности, а 121 тыс. (53,3%) — в транспорте и торговле [28, 179].

Последний период роста населения острова за счет иммиграции индийцев относится к 1945—1949 гг., когда ежегодно прибывало свыше 250 тыс. человек, а чистая иммиграция составляла 47 тыс. человек в год [29, 169].

Начиная с 1950 г. баланс миграций для Цейлона постоянно отрицательный. Данные табл. 2 показывают, что число иммигрантов постоянно сокращается и реэмиграция индийских тамил-кули фактически уже началась: за 10 лет чистая эмиграция (главным образом в Индию) превысила 170 тыс. человек⁷.

Миграции индийцев на чайные плантации Цейлона в сравнительно короткий срок создали на острове значительное постоянное индийское

⁷ Репатрируется и часть уроженцев Цейлона. Так, по переписи 1961 г., только в штате Мадрас оказалось 23 тыс. человек, родившихся на Цейлоне [14, table D-II].

Таблица 2

**Иммиграция и эмиграция на Цейлоне
в 1950 — 1960 гг.,
тыс. человек***

Год	Иммиграция	Эмиграция	Баланс миграции
1950	114	134	— 20
1951	134	148	— 14
1952	140	156	— 16
1953	116	129	— 13
1954	100	108	— 8
1955	67	90	— 23
1956	70	88	— 18
1957	63	75	— 12
1958	56	71	— 15
1959	66	74	— 8
1960	68	74	— 6
1961	58	68	— 10
1962	53	63	— 10
Всего	1105	1278	— 178

* [15а, 1963].

население. За 40 лет, которые прошли между началом ввоза индийских кули и первой переписью населения, число индийских уроженцев достигло почти 200 тыс. человек (табл. 3). К 1901 г. число уроженцев Индии увеличилось более чем вдвое и составило 12,2% населения Цейлона. В этот период число уроженцев Индии и их удельный вес в населении острова соответствуют числу и удельному весу индийских тамиллов. Численность индийских уроженцев, как явствует из таблицы, продолжает расти до 1911 г. (470 тыс.). Но их удельный вес в населении острова в XX в. постоянно сокращается, в то время как доля индийских тамиллов в 1911—1921 и 1946—1953 гг. увеличивается. Это значит, что индийские тамилы в большинстве своем — уроженцы Цейлона или живут здесь очень давно. Так, по переписи 1946 г., почти 75% уроженцев Индии прожили на острове свыше 10 лет и более 50% индийских тамиллов родились на Цейлоне. По данным переписи 1953 г., только 38% индийских тамиллов родились в Индии.

Таблица 3

**Численность уроженцев Индии на Цейлоне
и индийских тамиллов***

Год	Уроженцы Индии		Индийские тамилы	
	тыс. человек	процент к населению	тыс. человек	процент к населению
1871	194	8,1	...	...
1881	277	...	...	...
1891	265	8,8	...	...
1901	437	12,2	...	...
1911	470	11,5	531	12,9
1921	461	10,2	603	13,4
1946	366	5,5	780	11,7
1953	365	4,6	975	12,0

* Составлена по данным: [14, 1911, т. I, 98; 13, 1946, т. I, ч. I, 219; 13, 1953, т. II, ч. I, 219 — 220].

По данным переписи 1953 г., число уроженцев Индии не увеличилось, а удельный вес их в населении острова снизился до 4,6%. Этот процесс, несомненно, будет продолжаться и впредь.

Таким образом, в настоящее время проблема индийских тамиллов не является проблемой иммигрантов. Подавляющее их большинство родилось на Цейлоне и считает его своей родиной, хотя и не утратило полностью связь с Индией.

Расселение индийских тамиллов на Цейлоне тесно связано с размещением плантаций чая и в меньшей степени каучуконоса гевеи (табл. 4). Большинство индийских тамиллов (свыше 70%) сосредоточено на Центральном нагорье, где находится основной район чайных плантаций. В провинциях Центральная и Ува, где под чаем занято 349 тыс. акров (свыше 75% всех чайных плантаций острова), индийские тамиллы составляют более трети населения, а в округе Нувара-Элия — около 60%. В округе Ратнапуре высокий удельный вес индийских тамиллов связан с главным массивом плантаций гевеи.

Таблица 4

Расселение индийских тамиллов и размещение чайных и каучуковых плантаций по провинциям и округам Цейлона

Провинции и округа	Численность индийских тамиллов в 1953 г., тыс. человек	Доля в населении, %	Площадь, занятая под плантациями на 31.XII.1951, тыс. акров		Удельный вес плантаций в посевных площадях, %
			чая	каучука	
1. Западная	103	4,7	7,8	85,9	31
Коломбо	72	4,2	0,6	23,2	
Калутара	34	6,6	7,2	62,7	
2. Центральная	490	35,6	264,0	38,5	66
Канди	256	30,5	145,1	18,2	
Матале	41	20,2	18,0	20,2	
Нувара-Элия	193	59,2	100,9	0,1	
3. Ува					
Бадудла	166	35,6	84,5	14,5	64
4. Сабарагамува	145	16,3	72,6	139,5	61
Ратнапуре	87	20,7	51,7	57,1	
Кегалла	58	12,4	20,9	82,4	
5. Южная	22	4,9	26,4	45,9	25
Галле	11	2,1	14,1	34,2	
Матара	11	2,8	12,3	11,6	
Хамбантога	—	—	—	0,1	
6. Северная	18	3,2	—	—	—
Джафна	8	1,6	—	—	
Маннар	8	18,3	—	—	
Вавуния	2	6,7	—	—	
7. Северо-Западная	17	2,0	0,8	12,8	4
Курунегала	10	1,6	0,8	12,8	
Путталам	1	1,8	—	—	
Чилои	6	3,6	—	—	
8. Северо-Центральная					
Анурадхапура	3	1,5	—	—	
9. Восточная	5	1,4	—	—	
Баттикалоа	2	0,7	—	—	
Тринкомали	3	4,1	—	—	
Весь Цейлон	975	12,0	456,1	337,4	33,4

Составлена по: [13; 1953, т. I; 15, 1952, ч. I, табл. 1; ч. II, табл. 1; 2,25].

За пределами плантационных районов наибольшее число индийских тамиллов поселилось в столичной Западной провинции. Однако за пре-

делами Центрального нагорья немногочисленные группы индийцев связаны уже не с плантациями, а другими видами занятий. Вне плантационного района удельный вес индийских тамилос сравнительно высок лишь в округе Маннар Северной провинции. В этом округе, как уже упоминалось, находится один из основных портов иммиграции.

Развитие плантационного хозяйства коренным образом изменило как экономическую географию Цейлона в целом, так и географию населения Центрального нагорья. К началу XIX в. коренное население этого района — кандийские сингалы, будучи рисоводами, освоили главным образом только засушливую часть нагорья. Их посевы риса на террасированных склонах идут преимущественно до высоты 900 м [7, 169, 285—286].

Плотность населения, вообще невысокая в центральных районах острова, на уровне выше 900 м была ничтожной, снижаясь до 4—10 человек на 1 кв. км к югу от Канди и даже ниже 4 человек к югу и западу от Нуvara-Элия (1824 г.). Через 100 лет плотность населения в западных районах нагорья выросла до 100—400 человек на 1 кв. км [7, 184—187]. Здесь, в округах Канди и Нуvara-Элия, сосредоточено свыше половины насаждений чая, причем на склонах холмов на высоте 600—1200 м собирают 65% чайного листа [2, 28; 51, 52—53]. Если в нижней части нагорья преобладают в населении кандийцы и рисовые поля соседствуют с плантациями, то выше 900 м индийские тамилы, которые живут в плантационных поселках, составляют большинство населения [7, 168].

Таким образом, в районах чайных плантаций индийские тамилы были фактически поселенцами-первооткрывателями. В меньшей степени это относится к каучуковому району Ратнапура.

По социальному составу группа индийских тамилос довольно однородна и резко отличается от других национальных групп Цейлона. Подавляющее большинство индийских тамилос на Цейлоне связано с плантациями и составляет основу класса сельскохозяйственных рабочих. Только 7,6% индийских тамилос живет в городах (1953). По данным переписи 1953 г., из всего населения, связанного с плантациями (1009 тыс. человек), индийские тамилы составляли 809 тыс. (80%) [13, табл. 27]. По оценке 1961 г., индийское население на плантациях достигало 932 тыс. человек, в том числе непосредственно занятых на плантациях — 434 тыс. человек (74,4% плантационных рабочих)⁸. Рамачандра Рао считает, что примерно 200 тыс. индийцев не связано с плантациями [27, 33]. Эта цифра завышена, так как, по переписи 1953 г., в неплантационных районах живет всего 140 тыс. индийских тамилос. Это докеры и рабочие на фабриках, рикши, слуги, ремесленники (портные, цирюльники, сапожники, по-видимому из соответствующих каст), а также мелкие фермеры (овощеводы и молочники) и т. д.⁹

Значительная часть индийцев, включая индийских мавров, индийских тамилос и индийских резидентов, занята в торговле и предпринимательской деятельности. Индийские капиталовложения оцениваются Рао в 200 млн. рупий, индийцам принадлежат 30 тыс. акров плантаций и 50 тыс. акров насаждений кокосовой пальмы. Но индийская буржуазия на Цейлоне многонациональна. Только часть ее составляют тамилы (главным образом каста наттукоттаи четтиар), остальные —

⁸ Из этого числа 397 тыс. работают на чайных плантациях (92% занятых в выращивании чая), 40 тыс. — на каучуковых плантациях (18% занятых) и 2 тыс. — на прочих [29, 173].

⁹ Кроме тамилос среди этой группы индийцев имеется некоторое количество малайяли.

момоны и парсы из Гуджарата, синдхи и патханы [27, 33; 18, 21—22]. Индийское население, не связанное с плантациями, как правило, было позже, чем основная масса индийских тамиллов.

Индийские тамиллы внесли огромный вклад в экономику Цейлона. Их трудом была создана главная экспортная отрасль хозяйства, определяющая специализацию Цейлона в международном капиталистическом разделении труда. Продукция чайных и каучуковых плантаций дает в 60-е годы около 80% экспортной выручки Цейлона [8, 217]. Составляя 12% населения, индийские тамиллы производят около четверти национального продукта Цейлона¹⁰. Однако это самая обездоленная часть населения острова, наиболее жестоко эксплуатируемая (главным образом английским капиталом). Средняя подневная заработная плата на чайных плантациях составляет 2,4 рупии для мужчин, 1,9 рупии для женщин и 1,6 рупии для детей и подростков. Это в 1,5—2 раза ниже, чем заработная плата неквалифицированных рабочих в промышленности и на транспорте, намного ниже заработной платы на плантациях гевей, где работают главным образом сингалы [29, 285]. Даже повышение заработной платы, связанное с девальвацией цейлонской рупии, не коснулось плантационных рабочих [25, 9.VIII.1970].

Грамотность среди индийских тамиллов самая низкая по сравнению с другими группами населения. И в довершение всего эта группа населения в большинстве своем лишена гражданских прав.

* * *

Острота национального вопроса на современном Цейлоне осложняет положение индийских тамиллов. С другой стороны, неопределенное и бесправное положение этой группы населения усиливает национальный антагонизм.

Сингалы и тамиллы живут рядом уже сотни лет. Тем не менее исследователи Цейлона единодушно отмечают отсутствие национальной вражды и религиозной нетерпимости в докапиталистический период развития Цейлона, в частности отсутствие сингало-тамильского конфликта, несмотря на различия в языке и религии. Авторитетный цейлонский историк Г. Мендис убедительно доказывает, что национальный антагонизм на Цейлоне возник лишь после английского завоевания, в результате перестройки экономики Цейлона на капиталистический лад [21, 4, 11, 15]. К тому же выводу приходит и английский географ Б. Фармер, который в специальной книге прослеживает исторические и географические аспекты проблемы [17].

Изменения в экономической структуре острова вызвали к жизни новый средний класс — буржуазию, буржуазную интеллигенцию и государственных служащих из числа сингалов, получивших английское образование. С развитием этого класса и зарождается сингальский национализм, направленный прежде всего против цейлонских тамиллов, у которых тоже выделился средний класс, аналогичный сингальскому, а также против индийской буржуазии. Неравномерность развития капитализма в различных районах обусловила и неравномерное экономическое и культурное развитие отдельных национальных и религиозных групп. Значительные привилегии получили христиане, особенно группа бюргеров-горожан. Наиболее отстали так называемые горные или кандийские сингалы, которые дольше всех сопротивлялись англий-

¹⁰ В 1961 г. доля производства чая и каучука в совокупном национальном продукте составляла 23,5% [29, 285].

ским завоевателям и были лишены значительной части своих земель в результате развития плантационного хозяйства.

Не следует забывать также и о традиционной британской империалистической политике, которая способствует возникновению национальных и религиозных конфликтов, а затем использует их для упрочения власти колонизаторов.

Известно, что ввоз индийских кули на плантации Центрального нагорья был связан с тем, что в этом районе товарно-денежные отношения не были развиты и местное население, привязанное к своему мелкому земледельческому хозяйству, не хотело идти на плантационную каторгу. Существовала также версия, что кандийские сингалы вообще не способны к тяжелому, упорному, регулярному труду.

Однако объяснения эти односторонни. Н. Саркар прямо указывает: «Неправда, что сингалские рабочие были заменены потому, что они менее производительны, чем индийские иммигранты, или менее приспособлены к тяжелой работе» [28, 172]. Индийцы были доставлены на Цейлон не только потому, что их рабочая сила стоила дешевле, но и потому, что ими было легче управлять. Их можно было противопоставить только что покоренным кандийцам, чьи пастбищные и лесные угодья были экспропрированы¹¹. Конфликт между кандийскими сингалами и индийскими тамилами — составная часть сингало-тамильского конфликта на Цейлоне — возник не по экономическим, а по политическим причинам. Кандийских сингалов никогда не привлекала работа на плантациях, и индийцы не были их конкурентами в экономическом плане. Но они перенесли свою враждебность к англичанам на тамильских кули, «потому что индийские рабочие ассоциировались с английскими плантаторами, которые захватили их земли» [28, 184].

Сингало-тамильский конфликт обострился в результате экономического кризиса 30-х годов, а после провозглашения независимости — в связи с вопросом о государственном языке. После провозглашения сингальского языка единственным государственным языком Цейлона (1956 г.)¹² имели место национальные беспорядки во многих районах со смешанным населением, причем к вопросу о языке прибавился конфликт из-за земли между цейлонскими тамилами и переселенцами-сингалами, например, в районе Гал-Ойя (Восточная провинция).

Способствуя переселению индийской рабочей силы в заморские плантационные районы Британской империи, английские колониальные власти декларировали равенство в правах (вернее было бы сказать — равенство в несправии) иммигрантов и коренного населения. Это положение было подтверждено для Цейлона в 1921 г. Однако уже в 1927 г., под давлением нового сингальского среднего класса, который в этот период приобрел большое влияние, были приняты дискриминационные меры против индийцев.

Так называемая конституция Дономора устанавливала пятилетний срок пребывания на острове для получения избирательных прав. В 1939 г. под флагом «цейлонизации» из государственных учреждений были изгнаны 2157 человек из числа 6624 индийцев, занятых в этой

¹¹ Это обстоятельство, несомненно, имело значение и при ввозе индийцев в другие страны.

¹² Не рассматривая подробно проблему государственного языка, отметим, что провозглашение сингальского языка государственным взамен английского, несомненно, было прогрессивным актом и было направлено прежде всего против прозападной элиты, тесно связанной с колонизаторами. Позже правительство пошло на большие уступки тамилам, и 8 января 1966 г. парламент одобрил декрет о применении языка тамиллов в качестве официального в Северной и Восточной провинциях и о переводе на этот язык всех государственных актов [26, 164—166].

сфере. Политические дискриминационные меры после кризиса 30-х годов сочетались с ограничением иммиграции, а также с рядом ограничений в экономической деятельности иммигрантов (участие в рыболовстве, транспортных предприятиях, землевладении и т. д.) [27, 54—56]. Как уже указывалось, в ответ на это англо-индийское правительство запретило эмиграцию неквалифицированной рабочей силы на Цейлон. Переговоры о судьбе индийцев на Цейлоне, которые велись в 1940 и 1941 гг., ни к чему не привели [12, 89].

После провозглашения независимости индийские тамилы на Цейлоне оказались в положении иностранцев и лиц без гражданства. Два законодательных акта определяют гражданство независимого Цейлона [27, 70]: Закон о цейлонском гражданстве от 1948 г. [Ceylon Citizenship Act of 1948] и Закон о гражданстве индийских и пакистанских резидентов [Indian and Pakistani (residents) Citizenship Act of 1949]. По первому закону автоматически считались гражданами Цейлона лица, у которых два или три предка (т. е. дед и прадед) по отцовской линии родились на Цейлоне. Индийские тамилы под эту категорию практически не попадали. Что касается второго закона, то он ограничивал приобретение цейлонского гражданства рядом условий. Гражданство могли получить после подачи соответствующих заявлений женатые люди, которые прибыли не позднее 1 января 1939 г., причем семьи должны были жить на Цейлоне; холостяки, прибывшие не позднее 1 января 1936 года; прочие резиденты, если они имеют обеспеченные средства к жизни. Закон предусматривал, что лица индийского происхождения могут быть объявлены нежелательными иммигрантами.

С 5 августа 1949 г., когда закон вступил в силу, до 5 августа 1951 г. поступило 237 тыс. заявлений от глав семей о приобретении цейлонского гражданства. Но процедура рассмотрения этих заявлений оказалась столь длительной, сложной и запутанной, что к 1953 г. были удовлетворены лишь 7,7 тыс. заявлений, и цейлонское гражданство получили лишь 26,4 тыс. человек [23, II].

Индийские тамилы не могли автоматически стать и гражданами Индии. Для этого, согласно ст. 8 Конституции Индии, требовалось подать заявление в дипломатическое представительство Индии на Цейлоне. Очень немногие лица индийского происхождения приобрели индийское гражданство таким путем [23, II].

Став независимыми государствами, Индия и Цейлон постоянно предпринимали усилия с целью урегулировать проблемы индийцев на Цейлоне. Уже в 1947 г. произошли переговоры между Дж. Неру и тогдашним премьер-министром Цейлона Д. Сенанаяке. Переговоры возобновились в июне 1953 г. Предложения Сенанаяке сводились к следующему: 400 тыс. индийцев получают гражданство по закону 1946 г., 250 тыс. будут иметь право на постоянное проживание и их будущее будет решено через 10 лет, остальные 300 тыс. должны быть репатрированы в Индию в обязательном порядке. Кодикара отмечает, что Неру склонялся к этой схеме, но был категорически против насильственной репатриации, опасаясь прецедента [12, 20].

Переговоры на высшем уровне возобновились в январе 1954 г., на этот раз между Неру и Дж. Коталавала. Соглашение предусматривало прекращение незаконной иммиграции и усиленную борьбу с ней¹³. Индийцы на Цейлоне должны были пройти регистрацию. Те, кто не прошел регистрацию, объявлялись нелегальными иммигрантами и вы-

¹³ Соглашение о пресечении нелегальной иммиграции предусматривало патрулирование Палкского пролива и побережий с обеих сторон.

дворялись из страны. Лица, не получившие цейлонского гражданства, должны были стать подданными Индии. Это соглашение не решило проблемы в целом, но должно было установить правовой статус лиц индийского происхождения на Цейлоне. Однако соглашение Неру — Коталавала не было выполнено. К 1962 г. цейлонское гражданство (на основе закона 1949 г.) получили всего 134 тыс. человек [23, II]. В качестве индийских граждан было зарегистрировано примерно 100 тыс. человек, но главным образом в городах [130, 19.IX.1964]. Таким образом, основная масса индийских тамилос оказалась в положении лиц, не имеющих гражданства. Свыше 200 тыс. человек числятся нелегальными иммигрантами, и к сентябрю 1961 г. 46 тыс. лиц индийского происхождения были высланы из страны без объяснения а 47 тыс. — как лишенные средств к существованию [22, 15].

Новый этап в решении проблемы наступил в 1964 г. После визита министра иностранных дел Индии на Цейлон и других дипломатических акций в октябре 1964 г. в Дели состоялась встреча между главами правительств обеих стран. Результатом этих переговоров было соглашение о лицах индийского происхождения на Цейлоне, подписанное 30 октября 1964 г.

Основное содержание этого соглашения следующее. Из 975 тыс. индийцев на Цейлоне (эта цифра не включает «нелегальных иммигрантов» и лиц, имеющих индийские паспорта) 300 тыс. должны стать цейлонскими гражданами, 525 тыс. — индийскими, судьба остальных 150 тыс. будет решена позднее. 525 тыс. лиц, получающих индийское гражданство, подлежат репатриации в течение 15 лет, в этот же срок будет происходить получение цейлонского гражданства для 300 тыс. человек. Цейлон обязался обеспечить для лиц индийского происхождения нормальные условия жизни и гарантировать им те рабочие места, которые они занимают в настоящее время [19, 1964, № 20, 589—592].

Соглашение Шастри—Бандаранайке встретило одобрение в демократических кругах индийской и цейлонской общественности, в то же время реакционные, шовинистические организации, особенно тамильские, отнеслись к нему отрицательно.

«Индо-цейлонское соглашение, — писала цейлонская коммунистическая газета „Трибюн“, — вносит радикальные изменения в политическое положение». Газета подчеркивает, что это соглашение будет способствовать сплочению всех национальных групп Цейлона и ослабит влияние на сингальские массы реакционных шовинистических партий. В то же время коммунистическая пресса решительно выступала против какой-либо дискриминации в отношении новых цейлонских граждан [30, 21.XI.1964].

В специальной резолюции Национального совета компартии Индии, принятой в Тривандреме 8 ноября 1964 г., соглашение приветствуется как фактор, который устраняет препятствия на пути цейлонско-индийской дружбы. Резолюция предлагает немедленно разработать план для эффективного расселения репатриантов, позаботиться о том, чтобы они были хорошо приняты на родине и могли бы применить свои способности и труд для службы стране [25, 15.XI.1964].

Высоко оценивая политическое значение соглашения Шастри — Бандаранайке, не следует закрывать глаза на слабые его стороны, которые были видны уже в момент его заключения. Следует помнить, учитывая опыт прошлого, и о тех политических и экономических трудностях, которые стоят на пути его проведения в жизнь.

Прежде всего соглашение декларировало лишь основные принципы решения проблемы. Не были решен вопрос о 150 тыс. индийских тамилос

лов; к тому же на переговорах речь шла о 975 тыс., в то время как на Цейлоне уже в момент переговоров насчитывалось свыше 1100 индийцев, не говоря о естественном приросте.

Поскольку горожане из числа индийских тамилос в большинстве своем уже получили цейлонское подданство, репатриации подлежат почти исключительно плантационные рабочие. Встает вопрос, возможно ли в этих условиях обеспечить потребности плантаций в рабочей силе. Правда, условия на Центральном нагорье изменились коренным образом. Господство товарно-денежных отношений, обезземеливание кандинских сингалов заставляют их идти на плантации. С 1921 по 1961 г. количество цейлонских граждан, работающих на плантациях, выросло с 63 тыс. до 150 тыс., в то время как количество индийских тамилос на плантациях за этот период снизилось с 494 тыс. до 434 тыс. Но и сейчас цейлонские граждане составляют всего 25,6% плантационных рабочих, причем заняты они преимущественно на производстве каучука, вблизи от своих деревень [15, ч. IV, 14; 29, 173]¹⁴.

С другой стороны, расселение репатриантов в Индии представит достаточно сложную проблему, хотя ежегодно должны будут прибывать не более 30—40 тыс. репатриантов с Цейлона. Естественно, что тамилы будут расселяться прежде всего в штате Тамилнад (бывший Мадрас). Между тем в условиях аграрного перенаселения очень трудно найти для репатриантов свободные земли, а южноиндийские плантации не смогут принять большого количества новых рабочих. Тамилнад был и остается одним из важнейших районов с оттоком населения. Так, за десятилетие (1951—1961) чистая эмиграция из этого штата только в другие штаты Индии составила 508 тыс. человек [14а, 651].

Нельзя не учитывать и тот факт, что Цейлон — не единственная страна, из которой прибывают репатрианты в Индию.

Трудности экономического порядка обнаружались уже в момент подписания соглашения. Но на пути его выполнения встали и трудности политического характера. Уже в декабре 1964 г. Индия заявила Цейлону протест по поводу ущемления прав новых цейлонских граждан, которых включили в особые избирательные списки, что противоречило духу соглашения Шастри — Бандаранаике [19, 1965, № 23, 679].

Поражение правительства Сиримаво Бандаранаике на парламентских выборах в марте 1965 г. поставило под удар выполнение соглашения. Дело в том, что все тамильские организации, включая и новых индийских граждан, поддержали Объединенную народную партию Дадли Сенанаяке, и одной из причин этой поддержки было соглашение о судьбе индийских тамилос.

При обсуждении программы нового правительства в парламенте (апрель 1965 г.) оппозиция потребовала, чтобы были возобновлены переговоры с Индией с целью устранения трудностей, возникших в осуществлении соглашения Шастри — Бандаранаике, и чтобы были даны «безусловные гарантии» выполнения этого соглашения. Было прямо сказано, что «имеет место попытка саботировать это соглашение, чтобы удовлетворить требования определенных кругов» [30, 24.IV.1965]. Прошло, однако, еще длительное время, прежде чем правительство Сенанаяке официально подтвердило свое намерение выполнять договор о судьбе индийцев на Цейлоне.

Парламент Цейлона в феврале 1969 г. утвердил специальные правила, регулирующие осуществление индо-цейлонского соглашения. Была

¹⁴ В 1961 г. цейлонские граждане составляли 72% занятых на каучуковых плантациях и всего 8% — на чайных [29, 173].

создана особая должность комиссара, который наблюдает за ходом предоставления индийским тамилам цейлонского или индийского гражданства и ведет специальные списки (регистры) граждан, получивших цейлонское гражданство, и лиц, подлежащих репатриации [11, 1968, № 16, 8267]. По этому вопросу поддерживались контакты между индийским и цейлонским правительствами, собиравшийся смешанный цейлонско-индийский комитет по осуществлению договора и т. д.

Но в целом претворение в жизнь положений договора Шастри — Бандаранаике шло очень вяло. Помимо экономических препятствий, о которых говорилось выше, существуют разногласия между Индией и Цейлоном в толковании договора, например: должно ли поддерживаться обязательное соотношение 7 : 4 между количеством репатриантов в Индию и числом индийских тамиллов, получающих цейлонское гражданство, должна ли репатриация лиц, получивших индийское гражданство, быть предварительным условием для предоставления цейлонского гражданства соответствующему числу индийских тамиллов.

До сих пор репатрировано в Индию и получало цейлонское гражданство небольшое число индийских тамиллов, хотя даже официальные данные об этом противоречивы. Так, цейлонское министерство иностранных дел и обороны объявило, что до 31 мая 1970 г. только 12 798 человек, подлежащих репатриации, уехали в Индию, а цейлонское гражданство получили 7316 человек (с семьями). По данным же индийского дипломатического представительства в Коломбо, число репатриантов в Индию составило к маю 1970 г. около 16 тыс. человек и еще 72 тыс. зарегистрированы как индийские граждане [23, IV].

Победа Объединенного левого фронта и создание правительства Сиримаво Бандаранаике должны активизировать осуществление соглашения Шастри — Бандаранаике. Правительство Цейлона подтвердило свою приверженность «духу и букве» соглашения и немедленно установило контакт по этому поводу с индийским правительством. В то же время программа левого правительства предусматривает меры по улучшению жизни плантационных рабочих (восстановление рисового пайка, включение школ для детей индийских тамиллов в общую государственную систему бесплатного обучения, отмена ограничений профсоюзной деятельности [25, 9.VIII.1970]. Правительство Цейлона вовсе не желает, чтобы массовая и быстрая репатриация индийских рабочих вызвала дезорганизацию плантационного хозяйства. С другой стороны, Индия пока не готова к массовому приему репатриантов.

Тем не менее соглашение Шастри — Бандаранаике вступило в силу, и значение его велико. Прежде всего, сделан шаг по пути урегулирования одного из важных международных споров и устранения единственного препятствия в развитии дружественных отношений между Индией и Цейлоном. Во-вторых, статус миллиона лиц индийского происхождения, живущих на Цейлоне, будет поставлен на твердую правовую основу. В-третьих, успешное выполнение соглашения Шастри — Бандаранаике имело бы положительное значение и для будущего индийских общин, которые имеются во многих странах Африки, Америки, Азии и Океании.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бонифатьева Л. И., Ершов Ю. А., Цейлон. Географические очерки, М., 1962.
2. Ершов Ю. А., Цейлон. Экономика и внешняя торговля, М., 1957.

3. Кочнев В. И., Население Цейлона. Историко-этнографический очерк, М, 1965.
4. Маслов Ю. Н., Плантационное хозяйство Цейлона, М., 1968.
5. Молчанов Г., Цейлон, М., 1964.
6. «Народы Южной Азии», М., 1963.
7. Сильва С. Ф. де, География Цейлона, М., 1955.
8. «Современный Цейлон. Справочник», М., 1967.
9. «Численность и расселение народов мира», М., 1962.
10. Agnihotri V., Workers of Indian Origin Abroad, — «Indian Labour Journal», 1962, vol. 3, № 9.
11. «Asian Recorder», New Delhi.
12. Bains J. S., India's International Disputes. A Legal Study, London — Delhi, 1962.
13. «Census of Ceylon 1953», vol. I, Colombo, 1957.
14. «Census of India 1961», vol. IX, pt.II-C(II)-i, Madras, 1964.
- 14a. «Census of India 1961», vol. IX, pt I-C, Madras, 1964.
15. «Ceylon Census of Agriculture 1952», Colombo.
- 15a. «Ceylon Yearbook», Colombo.
16. Davis K., Population of India and Pakistan, Princeton, 1951.
17. Farmer B. H., Ceylon. A Divided Nation, London, 1963.
18. Hulugalle H. A., Ceylon, Colombo, 1954.
19. «Indian Information», New Delhi.
20. Kodikara S. U., Persons of Indian Origin in Ceylon, — «Foreign Affaires Reports», 1964, vol. 13, № 2.
21. Mendis G. S., Ceylon To-day and Yesterday, Colombo, 1957.
22. Mookherji S. B., The Exodus of the Overseas Indians, — «Eastern World», 1964, vol. 18, № 11.
23. Mukherji S., Indo-Ceylon Relations. «Stateless» in Ceylon (I—IV), — «New Age», 23.VIII, 30.VIII, 6.IX, 13.IX:1970.
24. Mukherji R., Migrant Asia, Roma, 1936.
25. «New Age», New Delhi.
26. «Parliamentary Journal of the Parliaments of the Commonwealth», 1966, № 2.
27. Rao P. R. R., India and Ceylon. A study, Bombay, 1954.
28. Sarkar N. K., The Demography of Ceylon, Colombo, 1962.
29. «Statistical Abstract of Ceylon 1962», Colombo, 1962.
30. «Tribune», Colombo.